

DOI: 10.12731/2070-7568-2016-4-46-61

УДК 32.019.51

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАДИКАЛИЗМА – ОТ «РЕВОЛЮЦИОННОГО КАРНАВАЛА» К РЕЛИГИОЗНОМУ ТЕРРОРИЗМУ

Морозов И.Л.

В статье рассматривается современный процесс изменения форм и методов сопротивления сложившейся системе глобального управления. Автор указывает на упадок традиционного антиглобализма леворадикального интернационального толка, выразителем которого был субкоманданте Маркос. На смену традиционному антиглобализму приходит религиозный экстремизм, сторонники радикального исламизма сумели создать квазигосударство «Исламский Халифат» и развернули террористическую войну против цивилизации Запада. Автор выступает против любых форм военного вторжения в регион Ближнего и Среднего Востока, призывает сосредоточиться на укреплении национальных границ государств Европы и Северной Америки.

Ключевые слова: глобализация; антиглобалисты; терроризм; экстремизм; религия; ИГИЛ.

TRANSFORMATION OF POLITICAL RADICALISM – FROM THE “REVOLUTIONARY CARNIVAL” TO RELIGIOUS TERRORISM

Morozov I.L.

The article discusses the current process of change in forms and methods of resistance to the current system of global governance. The author points to the

decline of traditional leftist anti-globalization wing of the international, the mouthpiece of which was subcomandante Marcos. The traditional anti-globalization comes religious extremism, supporters of radical Islam has managed to create a quasi-state "Islamic Caliphate" and launched a terrorist war against Western civilization. The author argues against any form of military intervention in the Middle East, calls for focus on strengthening the national borders of the States of Europe and North America.

Keywords: globalization; anti-globalization; terrorism; extremism; religion; ISIL.

Глобализация в вестернизированном варианте состоялась как очередное перераспределение в планетарном масштабе материальных и духовных ресурсов в пользу стран Запада, а так же выстраивание американоцентрических статусных иерархий в международной системе. De facto вестернизация выступила в качестве стратегической линии Западной цивилизации, направленной на освоение «высвободившихся» ресурсов земного шара после падения СССР и его геополитических сателлитов. Данная стратегия была обусловлена стремлением избежать прогнозируемой Римским клубом ловушки «пределов роста», основанной на прогрессирующем убывании ресурсного обеспечения реального сектора экономики (материальное производство) при ускорении темпов роста не просто человеческой популяции на планете, а именно того сегмента, который принято обозначать как «золотой миллиард», «общество потребления». Автор знаменитого доклада Римского клуба Д. Меддоуз на основании выполненного математического анализа отмечает: «Плохая новость состоит в том, что многие важнейшие источники истощаются и деградируют, а большинство стоков уже переполнено... Хорошая новость заключается в том, что существующие темпы использования ресурсов вовсе не являются необходимыми для поддержания достойного уровня жизни всех людей на планете» [5, с. 38]. Получается, что человечество в современном формате своего существования расходует планетарные ресурсы нераци-

онально, однако признаков того, что удастся ввести эффективное самоограничение, пока не наблюдается.

Современный глобальный политический процесс актуализировал вопрос не только дальнейшего сохранения западной военно-политической гегемонии, но и самого выживания Запада в цивилизационном смысле [12, с. 685–719], хотя к рубежу XXI века Запад подошел как минимум с тремя победами стратегического значения в противостоянии со своими конкурентами:

- Запад сохранил собственную сплоченность, устранив угрозу внутренних религиозных (католики vs протестанты) и политических (фашистские государственные режимы с агрессивной внешней политикой) войн, повысив экономическую, культурно-информационную и финансовую взаимозависимость всех ключевых политий Нового и Старого света, оформленную в систему устойчивых межгосударственных и надгосударственных организаций (НАТО, ЕС, НАФТА и т.д.);

- благодаря новым информационно-пропагандистским [10, с. 327–746; 7, с. 553–556] и экономическим технологиям ведения войны, Запад сумел «взломать» межцивилизационный защитный барьер в виде советского ядерного паритета, гарантировавший безопасность основных антагонистов времен «холодной войны», обесценив смысл ядерного оружия, что позволило деконструировать советский международный блок и устранить его с политической карты мира как альтернативный проект развития человечества;

- Запад одержал победу в конкуренции идеологий [3, 136–204], в результате которой закрепил за собой право переводить все конкурирующие идеолого-политические константы в категорию политического экстремизма, подлежащего искоренению в том числе и превентивными репрессивными методами, обеспечил себе прямой доступ к политическому сознанию социальных страт незападных государств в целях его модификации методом внедрения суррогатной квазикультуры («поп-арт»), искаженного восприятия национальной истории, литературы, искусства.

Осевой конструкцией эпохи постиндустриала является информация, а стратегическими точками опоры – каналы передачи информации, кор-

порации по ее генерации, интеллектуальные центры («фабрики мысли»), обеспечивающие идеологическое обеспечение процессов глобализации. Именно в информационной сфере будет решен исход борьбы между системой глобального подавления и субъектами локальной свободы. Вооруженная борьба со стороны мятежников может оцениваться лишь как тактика, и то быстро теряющая какое-либо значение в плане эффективности и невольно «подыгрывающая» замыслам оппонента.

Семантические казусы, уничтожающие привычный человеческому сознанию смысловой конструкт, выступили основным видом оружия глобалистов, занятых подменой «неудобных» понятий и смысловых трактовок в восприятии целых народов. Наряду с внедрением «новояза», расщепляющего рационалистическое мировосприятие, осуществляется целенаправленная примитивизация национальных языков, повсеместно навязывается стандарт английского языка, как языка «мировой науки», «мировой политики», «мировой культуры», «социального общения». К примеру, язык российских СМИ сейчас заметно более упрощен и вульгарен в сравнении советским периодом, зато российских ученых даже в провинциальных вузах различные нормативы сейчас понуждают к регулярным публикациям на английском языке в зарубежных изданиях.

Повсеместно культивируется религиозное мировосприятие (критика которого запрещена в России законодательно [13]), вытесняющее рационально-критический, околonaучный стиль мышления, на формирование которого некогда была направлена, например, советская школа. Соответственно, повысились возможности применения манипулятивных информационных технологий управления политическим поведением как отдельного гражданина, так и социальных страт.

В глобальной информационной войне, ведущейся между проводниками глобализации и национальными политиями, особое значение имеют два символических кода, апеллирующих к исторической памяти народов:

– борьба с фашизмом, под которой сейчас нередко обнаруживается замаскированный вектор противостояния глобализировавшихся элит (действи-

ющих под политическим и экономическим управлением международных финансовых институтов) и народной (национальной) самоорганизации;

– борьба с международным терроризмом, которая зачастую маскирует смысл противостояния мировой финансово-политической элиты с народами традиционалистского жизненного уклада, чей привычный мир был разрушен экспансией со стороны Запада.

Например, именно цепь военных операций вооруженных сил Западных стран на территории Ближнего и Среднего Востока в конце XX – начале XXI вв. привела к разрушению государственности Афганистана, Ливии, Сирии, Ирака, обрушила экономическую систему и социальную инфраструктуру данного региона и породила ответную волну беженцев, несущих с собой на территорию Европы и США в том числе и террористическую опасность. Но оправдывались эти военные операции благами намерениями – освобождением восточных народов от местных фашиствующих диктаторов (С. Хусейн, М. Каддафи и др.).

Сакральная этимология этих идеологов, позволяющих любого противника западных ценностей «безошибочно» отнести к категории сторонников фашизма или терроризма, не только старательно поддерживается мировыми СМИ, но и защищается от попыток рационального осмысления с помощью прямого запрета на дискуссии.

Глобализация пробудила к сопротивлению силы противодействия ей, имеющие самый разный генезис. Причем на первом этапе сопротивления преобладал квазилеваяцкий проект, одним из идеологов и кумиров которого стал мексиканский мятежник, известный как субкоманданте Маркос. Главного противника антиглобалисты первой волны видели в господстве транснациональных корпораций, главное зло – в неравномерном распределении производимых на планете благ, главный метод борьбы – «революционный карнавал», отрицающий (или как минимум избегающий) насилие, рассматривающий борьбу с противником как увлекательную и веселую игру, которая во благо общего дела стирает поведенческие границы между богатыми и бедными, между европейской профессурой и

мексиканскими крестьянами, между безработной молодежью бразильского Сан-Паулу и отпрысками «золотых семейств» российской Москвы.

Разработка семантики глобального сопротивления этого периода, своеобразного нового революционного языка современного мирового «подполья» – одна из ключевых задач, которую пытались решить антиглобалисты различных идеологических направлений 90-х годов XX века, но безуспешно. В координатах информационного бытия виртуализированного современного общества не работают как идеологемы классического марксизма, так и более поздние интеллектуальные разработки западноевропейских «новых левых» времен молодежных бунтов 60-х годов XX века, а эпатажные представители ультралевого культурного андеграунда, будь то российская рок-группа «Электрические партизаны» или арт-группа «Война», несмотря на свои акции квазиреволюционного информационного перформанса, не смогли эффективно воздействовать на смысловые образы целевых аудиторий, проиграв государственной пропаганде. Именно информационная составляющая позволила государственным органам надежно удерживать под контролем политическую ситуацию в стране, изолировать и маргинализировать точки активизации «карнавального» сопротивления политическому режиму, обесмыслить в массовом восприятии эпатажные выходки молодых бунтарей-хипстеров.

Применительно к российской действительности левый проект «карнавальной революции» утратил привлекательность с момента прихода к власти В.В. Путина и трансформации российской политики в сторону патриотизма и построения «общества потребления». В западных странах шел аналогичный процесс угасания ультралевого тренда в движении антиглобалистов, в развивающихся странах интерес к его идеологемам падал. Обозначив, говоря, в конкуренции за умы бунтарей лидер левого антиглобализма субкоманданте Маркос проиграл лидеру аль-Каиды Усаме бен Ладену [6].

Процесс упадка влияния ультралевых в антиглобалистском движении (финальной точкой можно назвать смерть президента Венесуэлы Уго Чавеса в 2013 году и последующий кризис всего боливарианского проекта в

странах Латинской Америки) совпал с процессом активизации радикальных исламистов, отправной точкой которого можно обозначить террористический акт в США 11 сентября 2001 года, а апогеем 28 июня 2014 года – дата самопровозглашения всемирного «Исламского халифата», отказавшегося от более раннего самоназвания «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ). Абу бакр аль-Багдади, провозглашая новую квазиполитическую структуру, заявил: «Вперед, мусульмане, за свою страну. Да, ведь это ваша страна. Вперед, потому что Сирия не принадлежит сирийцам, а Ирак не принадлежит иракцам» [2, с. 23]. Социальная масса нового террористического движения формировалась постепенно под воздействием как негативных региональных процессов, так и глобальных. А.Н. Харыбин отмечает в данной связи: «...сформировалась кадровая база, достаточная не только для подпитки террористических организаций, но и формирования полноценных внесударственных террористических «армий», способных захватывать и контролировать географическую территорию, имеющих свое экономическое обеспечение и объединенных догмами исламизма» [14, с. 62].

Западный мир столкнулся с новой тактикой террористических атак: теракты на территории западных стран в большинстве случаев не готовятся заранее, не координируются из командного центра. Террористические находят непредсказуемых исполнителей, проникнувших в Европу или США под видом мигрантов, беженцев, а в ряде случаев даже уже состоявшихся как граждане этих стран во втором-третьем поколении. Бессилие органов правопорядка основывается на непредсказуемости момента, когда тот или иной человек вдруг проникнется радикальной исламистской идеологией и устроит акт агрессии, используя подручные средства, от легально купленного стрелкового оружия (теракт в г. Орландо 12 июня 2016 года), до грузовика (теракт в Ницце 15 июля 2016 года). Это не совершенно похоже на ту модель террористической угрозы, к которой готовились западные спецслужбы в предшествующий период [8].

Бессилие Запада выражается не столько в неэффективности соответствующих спецслужб, сколько в экзистенциальной неготовности к воз-

никшей угрозе. 12 июня 2016 года в США сын выходцев из Афганистана Омар Матин, выросший в Америке и внезапно дистанционно присягнувший на верность «Исламскому государству», расстрелял г. Орландо около 50 человек. Американские лоялистские СМИ отреагировали на этот случай стандартно – постарались представить событие как бытовое насилие, а присяга на верность «Исламскому государству», совершенная О. Матином накануне бойни, трактуется в СМИ как лицемерная и призванная замаскировать истинные мотивы чисто психологического свойства.

Однако трактовать аналогичные события в таком смысловом ключе становится все труднее. Уже после теракта братьев Царнаевых в г. Бостоне 15 апреля 2013 года гражданское общество США стало задаваться вопросом, почему так поступают люди, которым Америка дала больше, чем могла бы дать их собственная родина? Комментируя происшествие в г. Орландо и политкорректную реакцию президента США Барака Обамы, республиканец-ультраконсерватор Дональд Трамп заявил: *«Наше руководство слабо и неэффективно, мы должны быть тверже... В своем выступлении сегодня президент Обама позорно отказался даже сказать слова радикальный ислам. Только по этой причине он должен уйти в отставку. Мы должны защитить всех американцев из всех слоев общества и всех вероисповеданий от радикального исламского терроризма, которому нет места в открытом и толерантном обществе»* [9].

Опасность Дональда Трампа для правящей элиты в том, что впервые не маргинал, а успешный бизнесмен и политик, опирающийся на американский средний класс, рискнул открыто призывать общество пересмотреть официальную политическую позицию в отношении ислама и по итогам пересмотра принять практические меры, как минимум до предела затруднив доступ на территорию США мигрантам из исламских стран.

Общепринятая в США и странах Евросоюза точка зрения на исламистские террористические акты заключается в том, что ислам есть сугубо мирная религия, которую лишь отдельные отщепенцы из числа сумасшедших, политических аферистов и откровенных бандитов пытаются

использовать для оправдания своих преступных действий. И поэтому не следует придавать большого значения исламским лозунгам из уст таких людей. Такая позиция близка не только американской и европейской, но и российской политической элите.

Когда террористка-смертница Наида Асиялова совершила 21 октября 2013 года теракт в переполненном людьми волгоградском автобусе, вместо фокусировки внимания на ее религиозных убеждениях в СМИ стали распространять информацию, что женщина была поражена неизлечимой болезнью, мучилась от болей в костях и охотно искала способ уйти из жизни [15]. 29 февраля 2016 года Гульчехра Бабакулова бродила по улицам Москвы, потрясая головой убитого ею четырехлетнего российского ребенка, выкрикивала исламистские лозунги – но российское правосудие не решилось классифицировать событие как террористический акт, сочтя женщину невменяемой, а ведущие российские СМИ сочли целесообразным свести в медийном пространстве обсуждение данной трагедии к минимуму, получив в этом одобрение представителей администрации Президента РФ[4].

В российской научной и публицистической традиции по понятным причинам утвердились смысловые обороты, задача которых не допустить в политическом сознании граждан ассоциацию таких понятийных категорий, как ислам и радикализм. Можно и нужно критически воспринимать позицию американского популиста Дональда Трампа, вбросившего в мировое медийное пространство идеологему «радикальный ислам», однако дискуссии относительно права на существование и смысловое содержание данного термина в ближайшем будущем уже не избежать. Стандартная медийная смысловая формула о противостоянии традиционного ислама и отщепенческих салафистских течений уже не дает исчерпывающего объяснения современным процессам как минимум с методологической точки зрения: масштабы современного терроризма таковы, что его уже не выдать за действия одиночек или отдельных маргинальных групп. Радикализм как флуктуация традиционного ислама – это один масштаб, радикализм как развивающийся на наших глазах альтернативный тренд в исламе, постепенно разрушающий традиционный ислам – это другой масштаб.

Есть аргументы в пользу второй трактовки. Это нарастающая частота и эффективность исламистских террористических актов на всех континентах. Это тот факт, что исламские радикалы выстроили относительно устойчивое квазигосударство «Исламский Халифат» (ИГ/ИГИЛ), с которым сражается коалиция ведущих мировых держав с привлечением самой современной военной техники и технологий Запада, вооруженных ресурсов живой силы Ирана, Ирака, Сирии. Война против «Исламского Государства» идет несколько лет, но победа коалиции все еще под вопросом.

Политической науке в ближайшем будущем предстоит дать ответ на два принципиальных вопроса, от решения которых будет зависеть тот или иной тип построения системы антитеррористической безопасности России и других стран:

- 1) Происходит ли в современном исламе нераспознанный или недооцененный западной наукой опасный процесс массового перерождения из религии в политическую идеологию мобилизующего экспансионистского типа на религиозной основе, или не происходит?
- 2) Существует ли выдвинутый С. Хантингтоном феномен «войны цивилизаций» или не существует?

В зависимости от ответа на эти вопросы придется оценивать процессы, происходящие как во внешнем мире, так и в национальных республиках Российской Федерации, социальная ситуация в которых будет ухудшаться по мере развития экономического кризиса [1, с. 2–8]. Современные террористические движения отличаются непредсказуемостью своей эволюции – возникновение очага насилия и его расширение до угрожающих политическому режиму размеров происходит весьма быстро. Еще в 2012 году один из руководящих сотрудников Службы безопасности Украины отмечал: «Результаты проведенных украинскими специалистами исследований показывают, что терроризм как социальный феномен и способ насильственного достижения целей обнаруживает себя в Украине в формах, характерных для латентного этапа его развития. Кроме того, Украина не принадлежит к так называемой зоны риска возникновения терроризма и объективных

причин для его распространения в нашем государстве нет» [16, с. 17]. И уже через два года после этих слов Украина оказалась охвачена террором, а политические убийства общественных деятелей (Олесь Бузина, Павел Шеремет, Олег Калашников) стали частью повседневности.

Идеологическая позиция политических элит США, Европы и России построена на глобалистском мировосприятии, ориентированном на спекулятивный транснациональный капитал, «инвестиционные пузыри», игру на разнице курсов валют, «оказание услуг», гипертрофированное развитие «индустрии развлечений» и т.д., объективно подводит к отрицательному ответу на оба из поставленных выше вопросов. Так как в случае положительного ответа глобализацию как проект придется закрывать, возвращаясь к системе мировой экономики как кооперации национальных автономных экономик, что в корне поменяет состав финансовой, а затем и политической элиты. Поэтому можно ожидать продолжение линии на максимально долгое удержание status quo – открытые финансовые границы, непротivoдействие наплыву мигрантов, призывы к собственному населению сдержанно реагировать на постоянные террористические акты, подавление любых признаков «национализма» в политическом сознании.

Достойной сожаления представляется настойчивость, с которой ключевые страны Запада и Россия стремятся силовым путем модерировать современный политический процесс на Ближнем Востоке, что оборачивается жертвами в том числе и среди гражданского, мирного населения США, Европы и России. Как отмечает Кеннет Поллак (Институт Брукингса): «Возможно, самым большим преимуществом невмешательства Соединенных Штатов в дела Ближнего Востока станет снижение террористической угрозы. Террористы из региона атакуют американцев в основном потому, что недовольны их политикой на Ближнем Востоке. Точно так же они совершают теракты во Франции и Великобритании, поскольку эти страны – твердые союзники Соединенных Штатов (и бывшие колониальные империи), и начали атаковать Россию после ее вмешательства в дела Сирии» [11, с. 47]. Продолжая мысль американского политолога отметим, что в российской

политической публицистике «не принято» сопоставлять две весьма близкие и характерные даты. 30 сентября 2015 года Совет Федерации РФ в ответ на запрос Президента фактически открыл военную операцию в Сирии. 31 октября 2015 года в воздушном пространстве Египта в результате террористического акта исламистов оборвались жизни более двухсот россиян-туристов. В один день Россия понесла потери среди гражданских лиц намного большие, чем последующие официальные потери среди российских военных, принимающих участие в сирийской войне.

Применительно к России не вызывает сомнения тот факт, что за последние два десятилетия:

- роль ислама как регулятора социально-политических отношений в национальных республиках России, для которых ислам является традиционной религией, качественно выросла;
- в данных республиках развивается радикальная ветвь ислама, и несмотря на усилия местных и федеральных властей, пресечь этот процесс пока не удастся;
- обозначилась тенденция массовой миграции исламского населения из традиционно исламских регионов России в традиционно славяно-православные и соответственно, идет процесс размывания традиционного ядра русской цивилизации в том числе и в демографической его части.

В качестве практических рекомендаций по противодействию террористической угрозе, автору статьи представляется следующий комплекс мер: России следует ввести жесткий визовый режим со всеми странами без исключения; введение запрета на двойное гражданство; выявленные нелегальные мигранты подлежат безусловной и быстрой депортации; упорядочить предоставление российского гражданства иностранным гражданам в сторону усиления проверки претендентов; ввести правовую норму лишения предоставленного ранее российского гражданства мигранту, уличенному в экстремистской деятельности, под определение которой подпадает в том числе и активное общение с носителями экстремистских идеологий как в ходе физического контакта, так и в социальных сетях.

Эпоха глобализации постепенно заканчивается своим логическим кровавым финалом. Потому лидерам государств следует приступить к укреплению национальных систем обеспечения безопасности на территории собственных стран вместо попыток модерирования политического процесса в глобальном масштабе.

Список литературы

1. Бельских И.Е. Кризис региональной экономики 2015–2017 гг. в России: поиск альтернатив развития // Региональная экономика: теория и практика. 2014. № 26. С. 2–9.
2. Вайс М., Хасан Х. Исламское государство: Армия террора. М.: Альпина нон-фикшн, 2016. 346 с.
3. Кара-Мурза С.Г. Манипулирование сознанием. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 832 с.
4. Куда подевалась «кровавая няня»? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.7kanal.co.il/News/News.aspx/183113> (дата обращения 23.07.2016).
5. Медоуз Д., Рандерс Й., Медоуз Д. Пределы роста. 30 лет спустя. М.: ИКП «Академкнига», 2007. 342 с.
6. Мексика: лидер сапатистов заявил, что покидает движение. ВВС русская служба. Публикация от 26 мая 2014 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.bbc.com/russian/rolling_news/2014/05/140525_rn_marcos_zapatista_rebels_stepping_down.shtml (дата обращения 20.07.2016).
7. Мещеряков И.В. Государственная информационная политика как элемент системы национальной безопасности // Молодой ученый. 2016. № 1. С. 553–556.
8. Мид У. Власть, террор, мир и война. М.: Прогресс-Традиция, 2006. 208 с.
9. Орландо – трамплин для Трампа? Радио Свобода. Опубликовано 14 июня 2016 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.svoboda.org/content/transcript/27797490.html> (дата обращения 23.07.2016).
10. Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М.: Изд-во Эксмо, 2004. 450 с.
11. Поллак К. Борьба или бегство. Выбор Америки на Ближнем Востоке // Россия в глобальной политике. 2016. № 3. С. 36–51.

12. Уткин А.И. Подъем и падение Запада. М.: АСТ, 2008. 761 с.
13. Федеральный закон от 29 июня 2013 г. № 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан». Новая газета [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rg.ru/2013/06/30/zashita-site-dok.html> (дата обращения 21.07.2016).
14. Харыбин А.Н. Террористические акты как тактика Исламского Государства и последствия для российской внешней политики // Наука Красноярья. 2016. № 1 (24). С. 61–70.
15. 30-летняя Наида Асиялова была смертельно больна и ей нечего было терять. Комсомольская правда – Волгоград [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.volgograd.kp.ru/daily/26148.5/3037585/> (дата обращения 23.07.2016).
16. Міщенко К. Тероризм як соціальний феномен та спосіб насильницького досягнення цілей // Запобігання радикалізації і тероризму: міжнародний досвід і національний вимір : зб. мат-лів «круглого столу» / За ред. М.Г. Гуцало. Київ : Національний інститут стратегічних досліджень, 2012. 104 с.

References

1. Bel'skikh I.E. Krizis regional'noy ekonomiki 2015–2017 gg. v Rossii: poisk al'ternativ razvitiya [The regional economic crisis 2015-2017 in Russia: search of alternatives] *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika*. 2014. no 26, pp. 2–9.
2. Vays M., Khasan Kh. *Islamskoe gosudarstvo: Armiya terror* [Islamic state: Army of terror]. Moscow: Al'pina non-fikshn Publ., 2016. 346 p.
3. Kara-Murza S.G. *Manipulirovanie soznaniem* [Manipulation of consciousness]. Moscow: EKSMO-Press Publ., 2001. 832 p.
4. *Kuda podevalas' «krovavaya nyanya»?* [Where are the “bloody nanny”?]. <http://www.7kanal.co.il/News/News.aspx/183113>
5. Medouz D., Randers Y., Medouz D. *Predely rosta. 30 let spustya* [The limits to growth. 30 years later]. Moscow: IKP «Akademkniga» Publ., 2007. 342 p.

6. *Meksika: lider sapatistov zayavil, chto pokidaet dvizhenie* [Mexico: Zapatista leader said that he was leaving the movement]. BBC. http://www.bbc.com/russian/rolling_news/2014/05/140525_rn_marcos_zapatista_rebels_stepping_down.shtml
7. Meshcheryakov I.V. Gosudarstvennaya informatsionnaya politika kak element sistemy natsional'noy bezopasnosti [State information policy as an element of national security system]. *Molodoy uchenyy*. 2016. no 1, pp. 553–556.
8. Mid U. *Vlast', terror, mir i voyna* [Power, terror, peace and war]. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 2006. 208 p.
9. *Orlando - trampin dlya Trampa?* [Orlando – a springboard for Trump?]. Radio Svoboda. <http://www.svoboda.org/content/transcript/27797490.html>
10. Panarin A.S. *Strategicheskaya nestabil'nost' v XXI veke* [Strategic instability in the twenty-first century]. Moscow: Eksmo Publ., 2004. 450 p.
11. Pollak K. Bor'ba ili begstvo. Vybory Ameriki na Blizhnem Vostoke [Fight or flight. The choice of America in the Middle East]. *Rossiya v global'noy politike*. 2016. no 3, pp. 36–51.
12. Utkin A.I. *Pod'em i padenie Zapada* [The rise and fall of the West]. Moscow: AST Publ., 2008. 761 p.
13. Federal'nyy zakon ot 29 iyunya 2013 g. № 136-FZ “O vnesenii izmeneniy v stat'y 148 Ugolovnoy kodeksa Rossiyskoy Federatsii i otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii v tselyakh protivodeystviya oskorbleniyu religioznykh ubezhdeniy i chuvstv grazhdan” [Federal law of 29 June 2013 No. 136-FZ “On amendments to article 148 of the Criminal code of the Russian Federation and certain legislative acts of the Russian Federation in order to counter the insult of religious beliefs and feelings of citizens”]. *Novaya gazeta*. <https://rg.ru/2013/06/30/zashita-site-dok.html>
14. Kharybin A.N. Terroristicheskie akty kak taktika Islamskogo Gosudarstva i posledstviya dlya rossiyskoy vneshney politiki [Terrorist acts as a tactic of the Islamic State and the consequences for Russian foreign policy]. *Nauka Krasnoyarskaya*. 2016. no 1 (24), pp. 61–70.
15. 30-letnyaya Naida Asiyalova byla smertel'no bol'na i ey nechego bylo teryat' [30-year-old Naida Asiyalova was terminally ill and she had nothing to

lose]. *Komsomol'skaya pravda – Volgograd*. <http://www.volgograd.kp.ru/daily/26148.5/3037585/>

16. Mishchenko K. Terorizm yak sotsial'niy fenomen ta sposib nasil'nits'kogo dosyagnennya tsiley [Terrorism as a social phenomenon and the way the violent the achievement of the objectives]. *Zapobigannya radikalizatsii i terorizmu: mizhnarodniy dosvid i natsional'niy vimir: zb. mat-liv «kruglogo stolu»*. Za red. M. G. Gutsalo [Preventing radicalization and terrorism: international experience and national dimension]. Kiev: Natsional'niy institut strategichnikh doslidzhen' Publ., 2012. 104 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Морозов Илья Леонидович, доктор политических наук, профессор кафедры государственного управления и политологии Волгоградского филиала РАНХиГС, профессор кафедры политологии ВолГУ *Волгоградский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; Волгоградский государственный университет*
ул. Гагарина, 8, г. Волгоград, 400131, Российская Федерация; просп. Университетский, 100, г. Волгоград, 400062, Российская Федерация
politkon@mail.ru
SPIN-код: 1505-1622

DATA ABOUT THE AUTHOR

Morozov Ilya Leonidovich, Doctor of Political Sciences, Ph.D., Professor in the Department of Government and Politics, Professor in the Department of Politics
Volgograd Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation; Volgograd State University
8, Gagarin Str., Volgograd, 400131, Russian Federation; 100, Universitetsky Ave., Volgograd, 400062, Russian Federation
politkon@mail.ru
SPIN-код: 1505-1622